

Полина Сутягина

Ведьма
Дорфштадта

Полина Сутягина

Дыхание Самайна

<https://litres.ru/74457773>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень уже наполняется морозными нотками зимы, и подходит время главного праздника Колеса года, отмечаемого ведьмами Гильдии. В эту ночь молодые ведьмы возвращаются из годичного странствия, а Граница между мирами утончается...

Травница Кэт из городка Дорфштадт ощущает дыхание Самайна как никто другой, ведь ее предназначение связано с этой Границей. Пока она занимается осенними заготовками и планирует поездку подругами, тревожные знаки начинают просачиваться сквозь уют ее быта. В этот раз, чтобы предотвратить беду, Кэт понадобится помощь.

Три ведьмы соберутся вместе, чтобы встретиться с потусторонним холодом Самайна.

Это третья книга серии «Ведьма Дорфштадта».

Содержание

Глава 1. Снежная	4
+++	15
+++	25
+++	32
Глава 2. Зеленое платье	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Полина Сутягина

Дыхание Самайна

Глава 1. Снежная

Закат осени в этом году выдался холоднее обычного. Первый снег припорошил крышу Дома на отшибе уже в октябре. Гора над Дорфштадтом обнажила скоропостижно побелевший клык и частенько утопала в перинах снежных туч. Расположенная на первом этаже дома печурка извивалась через чердак коленчатой трубой и не всегда хорошо справлялась со своей задачей, а если Кэт вечером забывала подкинуть дров, то с утра просыпалась закутанная, словно куколка бабочки, в два теплых одеяла. Полосатый кот ходил распушенный, как воробей в морозный вечер, и недовольно поглядывал на ведьму, видимо, полагая, что ей следовало что-то сделать с отопительной системой и щелями на веранде. Но другого способа согреть старый дом на самой окраине у Кэт не было. Только маленькая печка, которую она, переняв слово от бабушки, про себя звала «буржуйкой», хотя это была современная эффективная модель. Иногда, во время готовки, Кэт оставляла газовую плитку на кухне работать подольше, и это добавляло дому тепла. Но молодая ведьма уж точно не

собиралась решать проблему с помощью магии, если на подобное и намекали осуждающие взгляды кота. Впрочем, морозные ночи и свежая корочка льда по утрам с легким налетом снега на траве не мешали ему регулярно покидать жилище по своим кошачьим делам, оставляя на тающем к полудню белом кружеве цепочки следов.

Иногда Кэт задавалась мыслью, отчего в Иной «части» дома, где обитала новообретенная ею Наставница¹, с которой они виделись после празднования Мабона еще лишь раз, была большая печь. И где она находилась на самом деле. Но что-то подсказывало молодой ведьме, что с помощью Той печи ей вряд ли удастся прогреть Этот дом, а цель ее иная. Тут же вспоминались детские сказки ее родины, где печь была скорее символичным объектом, нежели практичным, и относилась к Границе между миром живых и миром мертвых, которую сторожила ведьма того дома.

Теперь и она такая ведьма? Нет, пожалуй, на эту роль больше походила Наставница. Может быть, Кэтрин и была ведьмой Границы, но пока не ее Стражем. И внутренне питала тихую надежду, что в конечном итоге она не выберет данный путь.

Помимо рано пришедшей зимы, запорошившей снежком все приготовленные к Празднику тыквы, в калейдоскоп хо-

¹ О знакомстве Кэт с ее необычной Наставницей, которая одновременно является Стражем Границы и обитает в Ином пространстве этого же Дома на отшибе, рассказывается в книге «Урожай Мабона».

лодов внесла свою лепту и Гильдия ведьм, выбрав местом проведения Самайна лесную поляну на скалистом фьорде в одной из северных стран. И кто это додумался? Для Кэт до сих пор оставалось загадкой, как назначались места Празднеств. Считалось, что наставницы это чувствуют. Они собираются, и дальше общее чутье ведет к правильной точке, где в переходное время поворота Колеса Года будет концентрироваться сила. Сама Кэт не имела возможности наблюдать подобное и подозревала, что эти истории слегка преувеличены. Энергетически сильных мест на земле было много, и совершенно не обязательно в холодное время года выбирать страну поближе к Северному полюсу! По крайней мере, ей хотя бы не привыкать, – заваривая большую кружку какао, напомнила себе Кэт с усмешкой, – а вот каково будет южным ведьмам! И она улыбалась еще шире, представляя, как станет возмущаться Виктория.

На Самайн, в отличие от Мабона, Кэт должна была поехать. Это был главный праздник года, и к счастью, он приходился не на новолуние. Да и полуистлевших писем от Наставницы и ее «коллег» в это полнолуние не приходило. Так что Кэт наведлась в соседний город и забронировала билет на паром, до места отправления которого она пока не решила, чем будет добираться. Впервые ей предстояло пройти по северному морю. Кэт бросила взгляд на Полосатого: кот недовольно переминался у печурки, пытаясь выбрать между близостью к источнику тепла и креслом, спасавшим от

сквозняка. Как, интересно, ему понравится такое путешествие? Кот покосился в ответ, явно почуяв недоброе.

– Ну что, Полосатый, хочешь снова на метле полететь? – шутливо спросила его Кэт.

Кот сузил глаза и отвернулся.

– То-то же. Не так уж плоха корзина-переноска.

Поднявшись, Кэт растерла ладони: пора было приступить к своим прямым обязанностям. Что бы там ее ни ждало на пути призвания, работу никто не отменял. В чердачной комнате царила прохлада – в отличие от спальни, это помещение было утеплено хуже. В нос ударил приятный аромат сушеных трав, напоминая ведьме о щедрости первой половины осени. Теперь уж мало чем можно было дополнить коллекцию, разве что безвременником². А походы на гору усложнились из-за снегопадов и сильных ветров. Зимы в этих краях были не столь суровы, как в тех, где ей довелось расти, зато солнечны и весьма снежны. В соседнем городке готовились к началу лыжного сезона, но рядом с Дорфштадтом, несмотря на его популярность у туристов, ни оборудованных трас, ни тем более подъемников не было. Их Гора не терпела узды. И только редкие авантюристы пытались рассекать по неподготовленному склону, когда устанавливалась подхо-

² Безвременник (*Colchicum*) – растение из семейства Безвременниковых, во время цветения напоминает крокус, но цветет поздно осенью, когда все другие растения уже отцвели. Целиком ядовито. На пастбищах может вызывать отравления скота. При использовании в декоративных целях, необходимо соблюдать осторожность.

дящая погода. Да и то частенько расплачивались за такое безумство. Впрочем, именно этот риск и манил их на труднодоступные склоны. В Дорфштадте таких туристов не любили. Люди, привыкшие жить бок о бок со своевольными горами, слишком ценили жизнь, чтобы заигрывать с ее изнанкой.

В переходное, как теперь, время года, местные власти оповещали о повышенной лавиноопасности и просили воздержаться от подъемов. Но Кэт успела хорошо познакомиться с Горой, возможно, даже ближе, чем хотела бы, и чувствовала ритм ее дыхания³. Потому она могла бы взойти и теперь – для зимних выходов у нее и снегоступы имелись. Но в этом не было нужды: собранные травы покачивались букетиками на нитях. Оставалось лишь разложить их по баночкам и мешочкам, чтобы удобнее было готовить смеси.

Внизу раздался настойчивый стук в дверь. Пришлось отложить очередную попытку систематизации заготовок и поспешить по крутой лесенке вниз. Кэт все еще ходила по дому без обуви, но теперь в пестрых шерстяных носках. Эта пара была подарком Элайзы, который пришел на днях в хрустящей упаковочной бумаге. «В благодарность за мой маленький отпуск» – значилось в записке, приложенной к зеленым носкам с оранжевым рисунком по верху. Только за Виктором, принесшим посылку, закрылась дверь, Кэт сразу же на-

³ Это знакомство подробнее раскрыто в книгах «Дом на отшибе» и «Урожай Мабона».

цепила носки на замерзшие стопы. Лучший подарок – приходит вовремя! Кэт находила помощника почтальона куда более привлекательным в качестве друга, чем потенциально-го ухажера. Иногда он заглядывал к ней попить чая из трав и поделиться последними историями почтовой и личной жизни. Его роман с Флоранс напоминал ярмарочный аттракцион с бешеными взлетами и падениями. Кэт порекомендовала им обоим по травяному сбору.

Но теперь за дверью был точно не почтальон. Это ведьма почувствовала, еще даже не распахнув ее.

– Добрый день, дорогая! – Фрау Анкерман сделала скорбное лицо и демонстративно поежилась. За ее спиной на охристо-зеленый сад падали, словно гусиный пух, редкие пушистые снежинки. – А я вам стучу-стучу. Никак ушли куда, ду-маю.

Кэт поспешила пригласить старушку внутрь. Стол был заставлен толстостенными баночками из коричневатого стекла, подготовленными для заполнения и маркировки. Здесь же стояла турунда бечевки, стопочками лежали листы для этикеток, и с трудом можно было отыскать место для комфортного чаепития.

– Ох, – обрадованным тоном скрежетнула фрау Анкерман, – у вас осенние заготовки. У меня тоже уже месяц как вся кухня банками заставлена. Соленья, варенья... А я вам давала мой конфитюр из ежевики попробовать?

– Прошлой осенью, кажется... Или, может быть, зимой.

– Кэт огляделась и освободила стул от стопки книг, свалив на кресло, к негодованию Полосатого, который как раз соби-
рался там устроиться.

– Вот. Лучшее в Дорфштадте, у кого угодно спросите! Я
вам занесу на днях. И с вишневым моим никто не сравнит-
ся... теперь. – И она, тяжело вздохнув, разместилась на сту-
ле.

– Теперь? – Кэт все еще расчищала пространство. Кто мог
подумать, что посетительница придет прямо в обеденный
перерыв? Но, глянув на часы, поняла, что обеденное время
давно миновало.

– Да... Теперь уж что скрывать – фрау Патиссон, упокой
Господь ее душу, была в этом деле мастерица. В домашнем
хозяйстве ей не было равных... Ну вот разве что огурцы мои
соленые все же... Да уж что там. И посчастливилось же это-
му угрюмцу такую супругу себе отхватить. Всегда был вор-
чуном. Только теперь – *старый* ворчун! – И она глухо рас-
смеялась, а потом придержалась ладонью за поясницу. – Вот
так погода! Я же к вам снова за мазью, дорогая. Только мож-
но мне ту, что греет...

– Конечно, – кивнула Кэт и направилась к полочке. Своего
соседа, разведившего голубей, которых она этим летом неча-
янно облачила в розовое оперенье ненадолго, Кэт угрюмцем
не считала. Ворчуном – быть может. Но герр Патиссон ско-
рее произвел приятное впечатление, чем-то напомнив сосе-
да ее бабушки в деревне. Впрочем, он действительно ни с

кем из соседей особо не общался, даже с ней стал только после того, как она постучалась первая. Хотя к Бену, приезжему, неожиданно относился чуть ли не по-отечески. А вот кто вздрагивал от одного упоминания имени герра Патиссона – так это сотрудники коммунальных служб. Для них он был не старым ворчуном, а воинствующим!

– А разве при жизни супруги он тоже был необщительным? – Кэт попыталась отвлечь фрау Анкерман разговором, пока рыскала по полкам. Ну точно же ставила на видное место! Знала же, что она заглянет. Ну и бардак развела! Успеть бы все это разобрать до Самайна. А ведь у них с Элайзой до этого планировалась еще одна совместная поездка. Впервые Виктория звала их встретиться на ее территории, в городе, где она теперь жила и держала свою лавку магического преобразования особ женского пола.

– Да ну что вы! Только вот фрау Патиссон и общалась. Очень любезная женщина была. Фермерская дочка. Я изредка у них бывала, когда она была жива. Но герр Патиссон и тогда умудрялся сбежать к голубям своим. Только завидит гостей – шасть на лесенку. И как он с нее не падает, старый гриб! – пробурчала фрау Анкерман и недовольно поерзала на стуле.

«И что это она на него так напустилась, – пронеслось в голове у молодой ведьмы, – уж не приглянулся ли старый вдовец вдове Анкермана?» Но быстро отмела эту мысль, ткнувшись пальцами в нужный пузырек.

– А вот и ваша мазь, фрау Анкерман! – довольная собой провозгласила Кэт.

Однако старушка, кажется, не разделяла ее энтузиазма, понимая, что вскоре ей придется отправиться домой. А там уж про соседей не с кем посплетничать...

Как только гостя ушла, как обычно порываясь забыть столь желаемую мазь, Кэт вернулась к столу с готовностью продолжить дела, но не тут-то было. Только она припомнила, чем занималась до прихода посетительницы, и собралась подняться на чердак, как Полосатый сорвался с облюбованного места у печки, нахохлился и недовольно уставился за окно террасы. Проследив его взгляд, Кэт не обнаружила ничего интересного. Птица, наверное, близко пролетела... Однако Полосатый прошел мимо, настойчиво ткнувшись ей в ногу пушистым боком, и толкнул входную дверь. Уже на пороге он оглянулся и выразительно вытаращил на ведьму зеленые плоские глаза, словно бы вопрошая: «И почему ты до сих пор стоишь?».

– Ну что там у тебя? Я за голубями соседскими гоняться не буду и тебе не советую! – Но последовала за ним на улицу, предварительно сунув ноги в резиновые галоши, поджидавшие ее у порога.

В нос ударил влажный осенний аромат, вновь напомнивший о близости важного дня для всех ведьм, – и лично для нее. В году существуют такие вехи, когда грань между Этим и Тем миром утоньшается, и не нужно даже быть ведьмой

Границы, чтобы чувствовать это. Теперь же, когда Кэт сделала первые шаги за эту завесу Иного, – каким станет для нее этот праздник, ведьминский новый год? От этой мысли по спине под теплой шалью пробежал неприятный холодок. Как ни странно, от ее новой Наставницы давно не было ни вестей, ни знаков. По собственной инициативе Кэт не стремилась пока касаться Границы и того приграничного мира, где обитала ведьма с разными глазами – ее необычная Наставница, существовавшая в некоем изнаночном пространстве этого дома, о которой Кэт узнала лишь накануне предыдущего праздника Колеса года.

Легкий ветерок трепал выбившиеся из пучка пряди, Кэт шагнула в сад. Здесь было удивительно хорошо. Буреющие, пожухлые листья растений придавали пестроту траве. Яблони почти облетели, а под ними еще проглядывали последние остатки поздних цветов рудбекии с бурыми головками в венце желтых лепестков. Осталась еще одна грядка моркови и репы – с нее можно питаться до самого снега, а морковь даже оставить до весны, чтобы было чем себя порадовать пока зазеленеет сад. Да еще местами торчали крепенькие листья разноцветного салата. Они, в отличие от кабачков и тыкв, не сникали с первыми заморозками.

С благодарностью Кэт оглядывала свой сад, как вдруг встретила с круглым черным немигающим глазом. На кривой ветви ближайшей к дому яблони сидел большой черный ворон и, не отрываясь, смотрел на нее. Кот у ног ведьмы то-

поршил шерсть и недовольно зыркал на птицу.

– Ты кто? – бросила она ворону, прислушиваясь к ощущениям. Но тот лишь продолжал смотреть. – Кто тебя послал? – Кэт пригляделась. Некоторые ведьмы пользовались услугами врановых для отправки посланий. Но на лапке у птицы ничего не было. Кэт посмотрела на глиняную тыкву у дома, служившую почтовым ящиком для посланий подруг. Крышка сдвинута не была. В этот момент птица разразилась хриплым «карррр», так что Кэт невольно вздрогнула и обернулась на нее. Взмахнув широкими крыльями, ворон взмыл в пасмурное небо и устремился в сторону заснеженного горного пика.

– Ну и что это было за представление? – Кэт обернулась на Полосатого.

Но тот спокойно развернулся, уже больше не топорща шерсть, и как ни в чем не бывало прошествовал обратно в дом. Притом с таким видом, что это не он настойчиво звал за собой хозяйку, а наоборот, она его за каким-то лядом выманила в эту промозглую хмарь.

Кэт проводила кота возмущенным взглядом.

– Ну, Полосатый... – На всякий случай еще раз окинула взором сад и, вздохнув, вернулась в дом. Все явно сговорились, чтобы не дать ей навести порядок в заготовках!

Уолли с напускно-внимательным видом смотрел сквозь учительницу: из ее рта вырывались какие-то звуки. Объясняет или ругает? «Ми» – смутно различил Уолли, и опустил палец на первую попавшуюся клавишу.

– Уоллис, где вы витаете? – голос стал настойчивее. – Я попросила вас начать с «ми», а это «до».

И как у мамы только получилось уломать его на целый год музыкалки? Целый год! Целый год после школьных уроков сидеть в этом кабинете тыкать в фортепьяно, писать какие-то козявочки в тетради в узенькую полоску, когда другие мальчишки гоняют мяч или играют в настольные игры у кого-нибудь дома. И потом приходить домой – а там? Снова уроки? Домашнее задание никто не отменял. А жить вообще когда? Он же не Роджер, которого можно даже не кормить, только не отвлекать от чтения, и он и не заметит. Целый... Йодль ушастый... год! Прежде, чем он сможет «принять взвешенное решение». Можно подумать, ему с первого занятия не было понятно, что это будет страшная нудятина. Одно слово «сольфеджио»! Ясно же, что от предмета с таким названием ничего хорошего не жди...

– Уоллис, вы вообще меня слышите?

Он попробовал выполнить задание. Стоило ему немного

сосредоточиться, и дело сразу пошло лучше. Слух-то у него был, и при желании, он даже неплохо повторял ноты. Но долго продержать сосредоточение не получалось. И дела в музыкальной школе шли неудовлетворительно.

– А вы можете напеть? – вдруг спросила учительница.

Уолли непонимающе посмотрел на нее. Но в этот момент она поставила тонкую ладонь на клавиши и наиграла. Это напоминало то, как его принимали сюда.

– Повторите на «ми-ми-ми-ми-ми».

А на «му-му-му» не хотите? Тоже можно устроить. Но Уолли повиновался. Процедура повторилась еще несколько раз, а потом молодая женщина с забавной фамилией Фильони, к которой никак не хотела приклеиваться приставка «фрау», а только «сеньора», спросила:

– Отчего вам не попробоваться в хор? – Она даже говорила забавно, ярко произнося букву «р». Но это от того, что ее родным был язык другой части их страны. Уолли предлагали его в школе тоже. Полагалось, чтобы по выпуску каждый ученик знал хотя бы два государственных языка и один международный. Уолли выбрал другой. Может быть, зря?

– Еще и в хор? – он скорчил скорбную мордочку. Такого унижения он просто не переживет.

– Мне кажется, вам там может понравиться...

Вот и мама так начинала свой маневр по отправке его в музыкалку якобы по его воле.

– Я могу узнать у фрау Цукерман, остались ли еще места,

– продолжила учительница.

В этот момент Уолли чуть не хрюкнул от смеха, уж очень забавно у фрау Фильони получалось произносить имя директрисы. Но к несчастью, она приняла это за улыбку.

– Отлично. И напишу тогда записку фрау Кляйн...

– Маме не надо! – резко выпрямился Уолли. – Зачем ей писать, может, там и мест еще нет... И вообще, вы вначале мне... – Маме только скажи, вот она обрадуется и сразу применит свою волшебную практику убеждения, супротив которой даже Роджер со всей его книжной мудростью до сих пор ничего противопоставить не может. Ей и отваров никаких не надо, у мам, видимо, своя магия.

Домой Уолли возвращался дворами, нарочно как можно больше петляя, в надежде повстречать кого-то из друзей и проветриться после «блямсання» по многострадальному фортепьяно. Но как назло погода установилась на удивление прохладная и влажная. Редкие снежинки размокали прямо в воздухе и осыпались на нос и капюшон холодными каплями. Ко всему прочему, в желудке уже битый час поднывало, а дома ждал горячий ужин, и потому, так и не встретив ни единого знакомого мальчишки, Уолли повернул к дому. Ха! Зато теперь Роджеру приходилось забирать Мэри-Лу из школы и сидеть с ней потом до прихода родителей, у него-то – музыкалка. Возможность подтрунивать над братом была его единственной отдушиной в необходимости посещать музыкальную школу.

В прихожей Уолли столкнулся с мамой.

– Ты почему так поздно? – удивилась фрау Кляйн, отлавливая отпрыска на полпути по коридору, чтобы он не нес в дом грязь с ботинок. В слякотное время года фрау Кляйн, ценившая свое время, просила всех разуваться, не отходя далеко от двери.

– Сама меня в музыкалку сослала, а теперь спрашивает, – буркнул Уолли. – А ты почему?

– Занятия в музыкальной школе у тебя завершились час назад, насколько мне известно. – Фрау Кляйн сделала вид, что не услышала встречный вопрос сына.

– Остался на дополнительные, – ехидно заметил Уолли и поспешил на кухню. – А кормить меня в этот доме хоть кто-нибудь будет? – провозгласил он оттуда.

Мэри-Лу, делавшая за обеденным столом уроки, – отчего-то специально купленную для нее парту она игнорировала, – тут же вызвалась покормить брата. К сожалению, ее умения распространялись только на чай и тосты с вареньем, да и то спичками ей пока пользоваться не разрешали. Однако завидев на пороге маму, сестричка сразу же забыла про свое обещание и с радостным криком бросилась к родительнице.

– Как ты тут справлялась без меня? Папы еще нет дома? – поинтересовалась фрау Кляйн, глядя дочку по пробору.

– Роджер покормил меня обедом и привел домой... то есть в обратном порядке... Теперь он наверху, читает. – В этот момент Уолли хмыкнул в пространство холодильника.

– А папа еще не пришел.

– Понятно. – Фрау Кляйн устало вздохнула и провела рукой по волосам. – Ладно... сейчас умоюсь и буду вас кормить.

– У тебя же закончился сезон, – раздалось от шкафчиков, где Уолли уже нашел яблоко и жевал его, – чего ты так поздно?

– Да, высокий сезон закончился, но сегодня было все равно много дел... Уолли, поставь, пожалуйста, чайник.

Когда мама скрылась в ванной, Мэри-Лу принялась расспрашивать Уолли о занятиях в музыкальной школе.

– Вот сдадут тебя туда, тогда узнаешь. – Он набрал в чайник воды и поставил на огонь, подумывая, а не заскучал ли его старший братец в столь долгом уединении. В конце концов, это просто несправедливо – он должен ходить на дополнительные занятия, когда Роджер может после школы заниматься чем захочет. Хотя выбор подобных занятий, по мнению Уолли, его брат совершал неправильный. Пора бы ему напомнить об этом!

Ступая мягко на носочки, словно кошка, Уолли поднялся на чердак и прижался носом к тонкой двери. Ни звука. Умеет же Роджер сидеть как мышь... Да какая мышь? Разве мыши тихо сидят? Скребут вечно где-то в стенах. Бывало в период урожая на фермах, где у бабушки с дедушкой был дом, разводилось много этих мелких серых любопытных комочков. И хотя его родня фермерами не была, но и им доставалась

порция такого мышиноного урожая. Бабушка боролась рьяно, называя грызунов источником заразы, и тщательно все перемывала по многу раз и обдавала кипятком. Так что Уолли по своему опыту знал, что мыши вовсе не тихи, а между тем поговорка крепко засела в зубах.

И как это он там так бесшумно сидит? Так и не понятно, есть он там или нет. Спит, может? Уолли попытался приноровиться к тонкой щелке в двери, но разглядеть ничего не удалось. Тогда он осторожно приоткрыл и... обнаружил пустую комнату брата. Некоторое время Уолли ошарашенно водил глазами, словно Роджер мог где-то притаиться или так слиться со своими книгами, словно эта... ящерица-хамелеон. Окончательно удостоверившись, что брата здесь нет, Уолли недовольно наморщил нос. Куда же он мог деваться? Мэри-Лу сказала, что у себя... Да и не стал бы Роджер оставлять сестру одну. На всякий случай Уолли прикрыл дверь и в раздумье двинулся в обратный путь. С кухни слышалось позвякивание кастрюль и сковородок и голос мамы, что-то обсуждающей с Мэри-Лу.

– А вот и наш голодный Уолли. Садись, салат уже готов. Если совсем невмоготу – можешь начинать. Роджера позвал?

Уолли в нерешительности открыл рот и тут натолкнулся на чрезвычайно выразительный взгляд сестры. Мэри-Лу знала?! И при этом, не моргнув, сказала маме, что Роджер наверху?

– Уолли? – переспросила фрау Кляйн.

– А он... спит.

– Спит, странно. Ну ладно. Генрих вернется, тогда все вместе поедем.

Дополнительного приглашения Уолли не потребовалось. Ухватив миску с салатом и тарелку, он приземлился за обеденный стол и с прищуром глянул на сестру, которая собирала учебники и тетради.

– Что, помогал тебе Роджер с уроками? – поинтересовался он.

– Чуть-чуть. Но я могу и сама. – Мэри-Лу соскользнула со стула и, под предлогом отнести в комнату школьный инвентарь, сбежала с кухни.

Поспешно пихнув в рот пару вилок салата, Уолли тоже вскочил.

– А ты куда? – Фрау Кляйн помешивала на сковороде соус к макаронам.

– Жабыл кое-что, – ответил Уолли через листья капусты.

– Прожуй сначала...

Но было поздно. Прожевать он мог и по пути.

Мэри-Лу как раз раскладывала по ящичкам тетради и учебники, продолжая пока следовать заведенной мамой системе. Надолго ли хватит сестру, пока она поймет, что проще все сваливать одной стопкой на стол, все равно же предметы многие повторяются изо дня в день? У него самого на столе книги так и лежали неровными горками. С этой частью домашнего хаоса мама, кажется, смирялась на период учебного

года, но вот за порядок в одежде она в это время боролась более рьяно. Плохо положишь – помнется – будешь неопрятен. А для фрау Кляйн было недопустимо, чтобы ее дети выглядели неопрятно.

– Ну и что это было? – Уолли перекрыл путь к отступлению. – Признавайся, где наш герр Зануда?

Мэри-Лу посмотрела вначале на брата, потом на дверь за его спиной, видимо, догадывалась, что при маме Уолли допрос устраивать не станет.

– Он тебя хоть домой привел?

– Конечно, – обиженно пискнула Мэри-Лу, – и привел, и пообедали вместе, и даже помог с циферками...

– А не врешь?

Мэри-Лу насупилась.

– И ничего я не лгу... Мама говорит, что это плохо.

– Да? И чего же тогда ты ей соврала, что Роджер наверху, когда его там нет?

– Был он наверху. Просто час назад... Ну...

– Ну?

– Ну придет, сам спроси.

– Ах так, ты теперь на его стороне? Тогда учти... я иногда по утрам прихожу к Роджеру и... – Уолли устрашающе шагнул к сестре.

Та пискнула и попыталась спастись бегством, но тут же была отловлена братом.

– Ну что, скажешь или щекотать?

– Нет, нет, не щекочи... А ты маме не скажешь?

– Не скажу, – Уолли ослабил хватку. На самом деле он бы не стал мучить младшую сестричку. Но ему было немного обидно, что та так самоотверженно прикрывала Роджера.

– Он... – Мэри-Лу перешла на таинственный шепот, – пошел гулять с Мартой. Потом посадит ее на автобус и вернется.

– И оставил тебя дома одну?

– Вообще-то это не он, а ты, – заявила тут Мэри-Лу, – ты как раз должен был прийти. Роджер сказал, что пойдет, а ты сейчас придешь... А ты не пришел, – сестричка состроила скорбные глазки. – Но вообще, я уже большая и могу одна немного посидеть.

– А может, еще из школы одна можешь? – В дни, когда у Уолли не было музыкальных занятий, а уроки заканчивались раньше, он теперь наравне с Роджером забирал сестру.

Мэри-Лу активно замотала головой так, что косички пустились в пляс.

– Уолли! Мэри-Лу! – донеслось с лестницы. – Ужин!

На кухне уже все было накрыто, и большая фарфоровая миска источала наивкуснейший аромат макарон под домашним томатным соусом. Уолли сразу забыл обо всем на свете.

– А я уж подумала, что ты капустой с морковкой так наелся, – усмехнулась фрау Кляйн, наблюдая, как сын тянется к щипцам для накладывания.

В этот момент раздался хлопок входной двери.

– Я дома! – это был голос папы.

Сам герр Кляйн тоже вскоре появился на пороге кухни.

– Не поздновато? – поинтересовалась супруга.

– Задержали. – Генрих Кляйн явно и сам был не рад этому.

– Ты как раз к ужину.

– Хорошо, только переоденусь.

Он почему-то ушел в коридор, вместо того, чтобы подняться. Там были слышны невнятные звуки и шарканье. Затем последовали шаги вверх по лестнице. И если бы Уолли не был так занят поеданием макарон, а прислушался, то возможно, бы различил, что вверх прошли две пары ног – только одни нарочито громко, а другие – приглушенно.

– Уже все дома?

Уолли чуть не подпрыгнул от этого голоса, дожевывая макароны.

На пороге стоял Роджер и демонстративно потирал край глаза, словно бы только что проснулся.

«Ну ловок!» – Уолли смерил брата уважительным взглядом.

Неблагодарно, Роджер даже ни разу не оглянулся, прежде чем свернуть за угол с проулка и выйти на свою улицу, которая хорошо просматривалась. Он был слишком занят мыслями о сегодняшней встрече и переполнявшим его волнением, и потому отец заметил его первым. Наверное, окажись на его месте Уолли, тот бы наплел сходу какую-нибудь историю, а потом по необходимости приукрашивал ее деталями для каждого вопрошавшего. Но у Роджера обычно все на лице было написано, как порой говорили. Ему-то это как увидеть, он же не имел привычки общаться со своим отражением? Вот и папа, заметив смущение сына, сразу догадался, что за его поздним возвращением что-то стоит. А так бы сказать: в библиотеке засиделся – что тут странного?

– Гуляешь? – поинтересовался герр Кляйн.

– Мда...

– Один?

– М...

– А где младшие?

– Дома уже. Наверное. То есть дома уже.

Генрих Кляйн пристально посмотрел на сына:

– Хочешь мне что-то рассказать, прежде чем мы переступим порог дома, или уже внутри?

После короткого раздумья Роджер все же предпочел поделиться историей своего побега с отцом, а не с мамой. Они встали чуть поодаль от двери, у палисадника, чтобы их не было заметно в окна гостиной.

– Гулял с девочкой? – Генрих Кляйн и не думал сердиться. Сын не пропадал в библиотеке допоздна, – что он, впрочем, тоже вовсе не осуждал, – а, наконец-то, интересовался другими людьми. К тому же Марта казалась весьма достойной особой. – Вполне обычное дело. В твоём возрасте я тоже иногда гулял с девочками. Конечно, когда мог пересилить смущение. Но почему у тебя такой виноватый вид?

– Да... я ушел до того как вернулся Уолли, оставив Мэри-Лу одну. Но он должен был вот-вот подойти, а мне не хотелось заставлять Марту ждать. Это было бы некрасиво.

– Я думаю, ничего страшного. Помню, меня в младшем школьном возрасте родители оставляли одного ненадолго.

Отец уже решил, что этим вопрос исчерпан, и двинулся в сторону ужина. Но Роджер преградил путь:

– Вот только... мама не знает. Я попросил Мэри-Лу прикрыть меня.

– Хм... – герр Кляйн призадумался, – ну если у нее это получилось, то она явно вырастет. Вот и поглядим. Пошли, твое проникновение в жилище я прикрою. – Он кивнул сыну, желая поскорее скинуть заботы рабочего дня вместе с пиджаком.

В последнее время Роджер чувствовал, что ему все слож-

нее находить баланс между своей тягой к знаниям, школой, заботой о младших и... желанием больше времени проводить с Мартой. Ему не хватало уединения. И одновременно с этим он приносил его в жертву прогулкам с подругой. И хотелось все меньше отчитываться за свои действия. Он словно оправдывался все время. Хотя, по сути, было не за что. Никто не запрещал ему гулять, но нужно было приглядывать за сестрой. Никто не запрещал ему читать, но хотелось увидеть Марту. Никто часто не выпрашивал, решил ли он что-то с будущей профессией, но он понимал, что пора бы уже определиться. И не мог. Мысли в его голове вдруг валились в какой-то омут-водоворот, вспыхивал то один интерес, то иной. И на фоне этого избытка стимулов и нехарактерного для него большего, чем обычно, общения, росло еще иное чувство, совсем не поддающееся ни пониманию, ни объяснению.

Роджер даже хотел поговорить с Мартой о тревожащей его неопределенности будущего, но как-то незаметно их беседа претерпела иной поворот.

– На днях у нас дома останавливалась странная пожилая женщина, – рассказывала Марта, когда они неспешно прогуливались по загогулинам переулков Дорфштадта на пути к набережной. – Худая такая, с длинными седыми волосами. Сказала, что идет к каким-то родственникам. Пешком почему-то, хотя до тех мест, куда она следовала, весьма далеко. Мы, разумеется, приютили ее. Она сказала, что может пере-

ночевать и в хлеву, но ведь уже холодно. Мы ей постелили в гостиной.

– Так, а почему странная? Потому что шла пешком? Может, у нее денег мало было?

Марта мотнула головой.

– Мы предложили ей помочь с билетом на автобус, но она отказалась. Сказала, что любит ходить пешком. А при ней – только маленький узелок. Но странная... – Марта поводи-ла взглядом, ища слова. – Даже не знаю. У меня от нее было такое ощущение. И смотрела она на меня внимательнее, чем на остальных. Может, показалось, конечно... Но я прям спиной иногда чувствовала. Еще выпрашивала, почему-то именно меня, как мне тут живется, про коров, про прогулки на природе...

– По-моему, это не странно, а прямо-таки подозрительно, – свел брови Роджер, – а вдруг она какая-нибудь сумасшед-шая? А вы ее в дом пустили.

– У нас так принято – давать приют путникам, – отмахну-лась Марта. – Да нет, ты меня неправильно понял. Мне ка-жется, она была из... – И она посмотрела на Роджера так, словно он умел читать мысли.

– Откуда?

– Да не откуда, – фыркнула Марта на его недогадливость, – а из этих... Ну как ваша Кэт и ее подруга.

– К тебе ведьма что ли приходила? Еще и старая? – по-разился Роджер, а потом подумал, что вообще-то это да-

же больше вписывается в стереотип. Просто единственные ведьмы, которых он знал, ну или, по крайней мере, кого называли таковыми, были молодые.

– Да я не знаю! В том-то и дело. Спросить постеснялась. А теперь она уже ушла, а я мучаюсь...

Не слишком ли много ведьм стало на один их городок, размышлял Роджер. И что эта женщина хотела от Марты? Он уже практически смирился с некоторыми странностями их общей подруги с горы. Но на такое количество необычных женщин, обладавших этими якобы магическими силами или чем-то в таком роде, он готов не был. К тому же, когда это стало касаться еще и Марты. Зачем они ее в это втягивают? Очень тяжело, когда какая-то тема не дает покоя, и объяснений и ответов не найти в самом надежном и комфортном в использовании источнике – книгах. А когда таких тем не одна?

Неотвеченные вопросы, усугубленные непониманием, где искать информацию, высасывали силы из Роджера. И потому он сам себе удивился, когда его невыразительный спектакль в гостиной не вызвал у мамы – самого проницательного члена их семьи, по его мнению, – никаких подозрений. А вот Уолли весь ужин поглядывал на него странно.

– Как прошло свидание? – подловил Роджера на лестнице голос младшего брата.

Роджер хотел просто отмахнуться и скрыться, наконец, у себя. Этот день казался ему бесконечным. Ему еще ни разу

не удалось побыть одному хоть сколько-нибудь вменяемое время. Но от Уолли не так-то легко было избавиться.

– Всё, кыш! – обернулся на преследовавшего его брата Роджер. – Тебе что, уроков сегодня не задали? Иди ноты учи... – добавил он раздраженно.

– Что-то ты не в духе, – Уолли не дал ему закрыть дверь перед самым носом и встал на пороге как застрявшая в пальце заноза. – Получил отворот-поворот от своей дамы сердца?

– Если сейчас же не скроешься, получишь подушкой! – Когда Роджеру долго не давали побыть одному, у него возрастала раздражительность.

– Так у нас бои на подушках! – только обрадовался Уолли, заскакивая в комнату, вместо того чтобы ее покинуть. – Давай и Мэри-Лушечку позовем, а то она сегодня и так долго одна просидела... А ведь кто-то должен был за ней приглядывать!

– Тебя-то где носило? Ты же должен был прийти, как раз когда я ушел. Так что не сидела бы она одна...

– А я тоже имею право на свою жизнь!

– А я не имею?! – Роджер почувствовал, что задыхается. Это было уже перебором. Все эти неотвеченные вопросы, переживания, отсутствие возможности восстановиться, так и он еще за всех ответственный? – Всё!

Уолли даже не понял, как Роджер подскочил к нему и вытолкал за дверь. Он просто оказался в коридоре, а дверь комнаты не открывалась. Зашелки у Роджера не было, значит,

он держал.

– Отставь меня в покое, наконец! – раздалось из-за тонкой преграды.

Уолли удивленно посмотрел на дверь, нахмурился и побрел вниз по лестнице:

– И что за Йодль ушастый его укусил?..

Убедившись, что шаги брата стихли, Роджер повалился на кровать, тяжело дыша. В ушах бұхало, словно барабанщик на параде, сердце билось странно неровно и все еще сделать полный вдох и выдох получалось с трудом. Прикрыв глаза, Роджер к своему ужасу осознал, что по его щекам текут слезы.

Вода с шипением вырвалась из крана. «Хорошо, что есть горячая» – подумала Кэт, предусмотрительно затыкая пробкой короткую, но глубокую ванну. Только такая могла вместиться в небольшую пристройку «санитарной» комнаты, очевидно приделанную к дому позднее его возведения. «Могло бы и не быть...» Вода нагревалась газовой колонкой, центрального горячего водоснабжения в Дорфштадте не было. На самом деле Кэт не всегда была столь расточительна, и чаще быстро ополаскивалась под душем, но сегодня ей хотелось расслабиться, погрузившись целиком в теплую воду... Ну как целиком, из-за длины ванны коленки все-таки торчали, но все же – это лучше, чем ничего.

Пока набиралась ванна, Кэт вышла подышать на крыльцо. За облетевшим садом в дневное время уже лучше проглядывались соседские участки вниз по склону. Но во мраке подступившей ночи Кэт видела лишь корявые силуэты яблонь, а за ними не горело уже ни одного окошка. Темнело все раньше, а сегодня Кэт сама не заметила, как засиделась почти до полуночи. В свежем влажном воздухе чувствовалось прикосновение легкого морозца, сковывающего ближе к утру края луж. Кэт сощурилась на ближайшую яблоню. Что же это было сегодня? Полосатый уже сбежал во мрак,

и теперь некому было задать этот вопрос, кроме самой себя. Плотнее заворачиваясь в шерстяную шаль, она спустилась с порога и прошла вдоль дома, решив все-таки проверить «почтовый ящик». Крышка глиняной тыквы была на месте, как днем. Приподняв ее, Кэт сунула руку внутрь и к своему удивлению наткнулась пальцами на небольшой камешек. «Какая-то шутка?» Она положила его на ладонь и поднесла к лицу, присматриваясь. Белый продолговатый камень. «Может быть, кто-то из детей баловался?» Кляйны заходили к ней на днях попить чая, и Мэри-Лу, питавшая к ведьме особо дружественные чувства, вполне могла бы положить ей такой подарочек. Потому и крышка на месте... Например, летучая мышь Виктории не умела закрывать «тыкву», и так Кэт догадывалась о послании. Ближе к краю камня была дырочка. Кэт припомнила, что в детстве они называли такие камни «куриный бог». «Может быть, здесь это тоже что-то значит? Надо будет спросить ребят при случае...» И тут она вспомнила про набирающуюся ванну. Зажав камень в кулаке, Кэт метнулась в дом.

Чутье не подвело – вода к ее возвращению была как раз на нужном уровне. Положив камень на край ванны, Кэт скинула одежду и с наслаждением погрузилась в горячую воду. Откинувшись на высокую стенку ванны и уложив голову на полотенце на бортике, она прикрыла глаза. Ей нравилась осень, даже такая – с облетевшими листьями, тонким кружевом инея на каждой травинке поутру, корочкой льда на боч-

ках под водостоками, контрастом прохлады на улице и тепла дома, когда уют жилища начинаешь ценить еще больше, чем летом. В теплое время дом плавным переходом простирается на сад, и граница между ними размыта, но с приходом холодов дом обособляется, становится персональной норкой, панцирем черепашки, беличьим дуплом. Хочется украсить его внутри дарами осенней природы, пить чай, взирая, как переменивший настроение ветер качает оголившиеся ветви, или смотреть на затяжной поток дождя, и чувствовать, как хорошо, что есть куда укрыться. И тем славнее кажется непогода, чем уютнее твое жилище.

Кэт улыбнулась этой мысли. Ее дом... Или... Не только ее? Что это за дом все-таки? Герр Патиссон рассказывал, что дом был здесь, когда он строил свой. И уже тогда считался полузаброшенным и с не очень хорошей репутацией. А и без того редкие жильцы в нем не задерживались. Дом ждал ее?

Протяжно вздохнув, она приоткрыла глаза. В комнате царил полумрак с запахом воска и лаванды. Отправляясь мыться, Кэт не зажигала света, только поставила на табуреточку у дальнего конца ванны толстую свечу в глиняном подсвечнике. Свечи из натурального пчелиного воска с добавлением эфирных масел она заказывала у одной из ведьм Гильдии, которая имела свой свечной магазинчик. Ее изделия обладали особыми свойствами – бодрили или, наоборот, успокаивали, обостряли ум или затуманивали... Кому что нужно. Будучи травницей, Кэт понимала, что таковы свойства эфир-

ных масел различных растений, но свойства их были усилены рукой ведьмы. В Дорфштадте тоже была свечная лавка, и для обычных нужд Кэт закупалась и там. Она втянула тягучий словно бы даже фиолетовый аромат лаванды. По воде пошла рябь от ее движения и разбила отражение свечи на множество бликов. Пошарив по бортику, Кэт взяла мокрыми пальцами камушек, желая получше разглядеть его в полумраке. Камень был холодный. Дырочка в нем казалась естественной. Непросто найти такой... Вдруг на фоне руки ей показалось что-то на поверхности воды. Кэт перефокусировала зрение и чуть не вскрикнула. На полутемной ряби четко вырисовалось отражение ворона. Черный глаз птицы, как сегодня днем, не мигая, взирал на ведьму прямо из ее собственной ванны. Кэтрин вскинула голову, и от неожиданности выронила камень. С коротким «бульк» тот скользнул в воду и коснулся ее тела. Инстинктивно она вскочила. В комнате птицы не было. Небольшое оконце все так же было закрыто на металлический стопор, оставляя тонкую щель. Кэт опустила глаза. Вода неровно колыхалась от ее подскока, разбрасывая свечные блики. И только.

На всякий случай Кэт поскорее переступила на пушистый коврик. Крадущиеся по телу капли холодили кожу. Она накинула широкое полотенце и обхватила себя руками, все еще оглядывая комнату и ванну.

– Ну и что это такое? – спросила ведьма в тишину ночи. Ночь отвечала ей легким поскрипыванием ветра в кры-

ше и кроне старых яблонь на заднем дворе, примыкавшем к крутому склону горы. — Если бы только мне кто-нибудь что-нибудь объяснял... — пробормотала она уже тише. К сожалению, тем вещам, с которыми она в последнее время все чаще сталкивалась, в Гильдии их не обучали. Но ведь у нее была теперь своя Наставница. Уже пора снова обратиться к ней или подождать, когда она сама позовет ее? Кэт заглянула в ванну и извлекла из воды камень. А что, если он не от Мэри-Лу? Она положила камень у раковины. Желание продолжать водные процедуры разом испарилось. Кэт спустила воду, потушила свечу и отправилась наверх, к себе в комнату.

На всякий случай она выглянула на улицу, но там не было никаких признаков Полосатого. Потому Кэт просто оставила одно из окон веранды открытым и пошла спать. Кот отлично знал все пути попадания в жилище. Распахнув перед лицом ладони, Кэтрин потрогала воздух. Нет, все обычно... Если Наставница и была где-то рядом, то не подавала виду.

Завернувшись в теплое одеяло, Кэт ворочалась с боку на бок на узкой кровати, никак не могла устроиться. Из оконной щели в комнату дышала ночь с ее случайными редкими звуками и успокаивающим подвыванием ветра. Полосатый часто присутствовал рядом, когда Кэт засыпала. И то, что сегодня он даже не удосужился приглядеть, только усиливало дискомфорт. «Хранитель, называется...» — Кэт недовольно отвернулась носом в стену, плотнее обматывая себя одеялом, словно готовящаяся оуклиться гусеница. «Ворон еще

этот...» И медленно проваливалась в сон.

Где-то слышалось смутное карканье, ветер дул сильнее. На горе шел снег, и в его белой мгле склоны казались серыми и совсем безжизненными. Но только сама гора была острее и круче, а вместо одного пирамидального пика торчали два рога, словно два уха или... отчего вдруг Кэт это вспомнила?... словно старинный женский головной убор – кика. Это была не ее Гора. И не она пришла сюда. Ее позвали. Но того, кто это сделал, здесь как будто не было. Только неясное предчувствие, что тот должен быть здесь. Образы терялись, расплывались, словно круги по воде, таяли, словно незакрепленный снимок на фотобумаге.

Кэтрин раскрылась и ворочалась.

Выше по склону становилось все холоднее. Но снег лежал не везде, некоторые склоны были столь отвесны и выветрены, будто старая кость, и суровые колкие снежинки снегопада не задерживались здесь. Кэтрин вытянула руку, желая коснуться горной кики, и увидела свою прозрачную ладонь. Она растопырила пальцы, с удивлением разглядывая руку. Это была ее рука, но сама она казалась себе какой-то чужой, как будто по ошибке забрела в чей-то сон. Сон Горы?

Ресницы ее встрепенились и веки дрогнули.

Холодный ветер с запахом снега ворвался в окно. Кэт снова перевернулась. Одеяло свалилось на пол.

Она почувствовала, как этот холод подкрадывается к ее шее, горлу... Холодные пальцы. Но гора не пыталась ее за-

душить, она пыталась ей что-то сказать. Или Хранительница горы?

Внизу что-то громко грохнуло. Кэт распахнула глаза.

Скошенный потолок чердака. Она ощупала ладонью пространство – одеяла нет. Подняла эту ладонь перед глазами и посмотрела на растопыренные пальцы. Косточки, линии, прожилки, ногти – все материально. Внизу еще раз грохнуло. Потом еле слышные шаги мягких лап по ступеням. И вот, толкнув дверь, в щель просунулась нахальная пушистая морда.

– Ну и где тебя носило? – Ведьма поборола желание запустить в кота подушкой. Полосатый неспешно просочился в комнату и уже собрался устроиться на свалившемся на пол одеяле, полагая, что это специально для него. – Ну нет уж! – Кэт села и потянула одеяло с пола.

Кот с недовольным «мяу» отпрыгнул. Завернувшись в теплый вигвам, Кэт одарила кота негодующим взглядом:

– Это мое одеяло! А ты, между прочим, манкируешь своими прямыми обязанностями! Что это еще за вороны, что за рогатые горы? Я тебя спрашиваю!

Кот вальяжно запрыгнул на стул и воззрился в окно.

– Вот так, да? Игнорируешь. – Кэт завернулась в одеяло поплотнее и снова легла.

Глава 2. Зеленое платье

Утро пробудило мир чириканьем птиц, будто бы не замечавших приближение зимы. Весь и без того призрачный снег растаял, а воздух неожиданно потеплел, словно поздняя осень в одночасье передумала и решила вспомнить молодость. Солнце теперь восходило немного в стороне и прорывалось к домику раньше, чем летом, но из-за того, что теперь оно выползало из-за горы позже и ленивее, Кэт умывалась еще в полумраке. В ванную комнату она заглянула с некоторой опаской. Но там было все по-прежнему, только в воздухе витал слабый отголосок лаванды – погашенной вчера свечи. Умывшись, Кэт пригляделась к своему отражению в небольшом зеркале над раковиной. Невыспавшаяся... Надо бы приложить к лицу тканые мешочки с травяным сбором на основе ромашки. В обычные дни такие вещи мало ее занимали. Но сегодня вечером она шла с Беном на танцы. Недавно молодой инструктор по туризму заглянул к ней с букетом осенних цветов, очень слаженно и гармонично составленным, и пригласил пойти потанцевать с ним. Букет теперь украшал ее заваленный неразобранными заготовками стол. Ночью, запрыгивая в окно, Полосатый чудом не опрокинул его. Только пару баночек, к счастью, плотно закрытых, а затем еще и стул. Сама грациозность!

Но вот танцы... Что было от них ожидать? Тем более здесь, в Дорфштадте. Кэт даже у себя на родине не ходила на танцевальные вечера. Она знала, что там, где вырос Бен, это было вполне обычным делом, даже в школах. Но у нее в школе такого не устраивали. В теплое время года в парках ее родного городка регулярно проводились какие-то вечера, даже бывал оркестр. Но и туда она не ходила. Ее родители предпочитали иные танцы, почерпнутые из буйной молодости, когда движение бродячих свободолюбив, именовавших себя хиппи, окольно и через неразрешенные радиостанции пробиралось в их прикрыт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.